

Владимир Кунин

Старшина

ФТМ

Владимир Владимирович Кунин

Старшина

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126413

Старшина: ФТМ; Москва; 2020

ISBN 978-5-4467-2963-0

Аннотация

На фронте танкист Кацуба не раз видел, как гибнут молодые неопытные солдаты. Оправившись от тяжелого ранения, старшина едет в авиашколу учить курсантов военному делу. Отношения с подопечными складываются непросто: молодые бойцы считают, что наставник слишком строг и несправедлив. Они не понимают, что своей строгостью он хочет в будущем уберечь их от смерти. По мотивам повести снят одноименный фильм.

Владимир Кунин

Старшина

© Текст. В. В. Кунин, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Был март сорок четвертого, грязная снеговая слякоть и страшный завывающий рев подбитого танка Т-34. Он вертелся на одном месте, на уцелевшей гусенице, разбрызгивая вокруг себя грязный снег и случайную смерть. Пулеметы его били неприцельно сквозь желтое пламя и черный дым горящего солярового масла.

Откинулся верхний люк, и из башни высунулся объятый пламенем человек. Он что-то кричал и вслепую палил из автомата вокруг себя. А потом – то ли потерял сознание от ожогов, то ли был настигнут пулей – выронил автомат и, как тряпичная кукла, повис смрадным дымным факелом на оружейной башне.

Под танком что-то грохнуло, взметнулся светлый язык огня, и танк прекратил свою нелепую пляску.

Вскинулись передние люки, и обожженный кряжистый человек стал поспешно вытягивать из танка третьего, еще живого, маленького и худенького. Маленький горел и плакал

в голос, а кряжистый, пользуясь тем, что танк остановился задом к немцам, мгновенно вытащил худенького и скатился с ним в грязную снеговую лужу. Маленький горел и плакал, а кряжистый лихорадочно валял его в снегу, накрывал своим телом, пытаясь потушить на нем огонь, и когда сбил пламя с его комбинезона, потащил волоком в сторону от горящего танка.

Немцы не заметили их, потому что в ту секунду внутри танка стали рваться снаряды и взрывом сорвало башню вместе с орудием.

Кряжистый потащил маленького в неглубокую ложбинку, притаился и прижал его к себе. Это был парнишка лет семнадцати.

– Старшина... – всхлипнул парнишка, и его худенькое тельце затряслось от рыданий.

– Тихо, – приказал кряжистый и поволок парнишку по грязному снегу.

– Старшина!..

– Да тут я, вот он я! Чего блажишь?! – задыхаясь, проговорил кряжистый, продолжая тащить паренька в сторону от полыхающего танка.

Старшина остановился, подтянул к себе легкое мальчишеское тело и увидел, что паренек умер.

Старшина прижал его к себе, и в ушах у него прозвучал тоскливый, предсмертный мальчишеский крик: «Старшина!..»

Было лето сорок четвертого, было тепло и безветренно, и по госпитальному садику шатались легко раненные и выздоравливающие. Цеплялись к молоденьким санитаркам и сестричкам, которые деловито шмыгали из одного корпуса в другой. Сестры и санитарки польщенно огрызались, не стесняя себя в выборе выражений. Раненые запахивали мышинные халаты, подтягивали кальсончики с черными печатями госпиталя на самых видных местах, заламывали мудреные шляпы и пилотки, состряпанные из газет, и, стараясь скрыть смущение, ржали вослед языкастым девам...

Длительное пребывание в госпиталях и больницах примирят с нелепостью госпитальной одежды. Выцветшие от частых стирок халаты, бесформенные полосатые пижамы, кальсоны со штрипочками, тапочки без задников и почти обязательное газетное сооружение на голове спустя месяц пребывания на госпитальной койке начинают носиться с откровенной долей пижонства.

Сама собой определяется «мода», и от вынужденного больничного безделья способ завязывания кальсонных тесемок, по-особому запахнутый халат, кокетливо подшитый белоснежный подворотничок к полосатой пижаме становятся несокрушимой движущей силой, определителем характера и воли и даже вырастают в особое нравственное направление. И каким бы смешным и жалким это ни показалось со стороны, раны от этого заживают быстрее, напропалую идет флирт

с младшим медперсоналом и даже ампутации переносятся менее трагично. И в этом есть прекрасная победа Духа над плотью, столь необходимая в условиях мирных больниц и военных госпиталей, где так легко начать жалеть самого себя...

... Под самым большим деревом госпитального сада врыт в землю деревянный стол с лавками. Четверо забивают «козла». Один сидит в кресле с колесами. Ног у него нет. Зато есть прекрасные ухоженные усы. У его партнера вся голова в бинтах. Только один глаз и рот смотрят на свет божий. У третьего – рука от плеча задрана и пригипсована к сложной конструкции из проволоки. Во всех госпиталях такое сооружение называлось «самолет». Его партнер по «козлу» – широкоплечий, кряжистый, с недоброй физиономией старшина, который по весне горел в танке. Старшина играет стоя, опершись коленом о скамейку.

Все четверо были давно сыгравшейся командой, никаких специальных «доминошных» слов во время игры не употребляли, при неверном ходе не было взаимных упреков, и ожесточенная борьба велась под самый что ни на есть житейский разговор.

Собственно, в разговоре участвовали только трое. Старшина играл молча.

– Протез протезу тоже рознь, – сказал «самолет» безногому.

– Эт-то верно... – Безногий сделал ход, вытащил из кармана пижамной куртки зеркальце и расчесочку и пригладил роскошные усы.

– Американцы самодвижущийся протез сделали. Скоро нам поставлять начнут, – слышалось из забинтованной головы.

– По ленд-лизу, что ли? – спросил «самолет», глянул в свои костяшки и добавил: – Мимо...

– А хрен их знает...

– Раз положено, пускай дают...

– Как же ты с бабой со своей теперь будешь? – рассмеялся «самолет». – Во насуетишься!..

Безногий сделал еще один ход, снова вынул зеркальце, с удовольствием провел расчесочкой по усам:

– Не бойсь, корешок, как-нибудь пристроюсь!

«Самолет» и забинтованный совсем развеселились, а старшина криво ухмыльнулся, стукнул костяшкой по столу и хрипловатым тенорком, с оттенком презрения сказал партнерам:

– «Рыба». Считайте бабки, чижики.

– Во гад! – удивленно сказал безногий и стал испуганно проверять свои и чужие костяшки.

Со стороны госпитального корпуса раздался женский крик:

– Старшина!.. Кацуба! Старшина Кацуба!..

Кацуба нехотя повернул голову. Кричала молоденькая

сестричка со списком в руках.

– Оглох, что ли?! К замполиту!

Кацуба неторопливо снял ногу со скамейки, а сестричка закричала еще громче:

– Старший лейтенант Симаков! Лейтенант Троепольский! Капитан Васин! Старший сержант Бойко! К замполиту, живенько!.. Кацуба, тебе что, особое приглашение?..

Их было человек пятнадцать, почти все одного возраста – не старше тридцати. Кто капитан, кто лейтенант, кто сержант или старшина – не разобрать. Халаты, пижамочки, замысловатые газетные треуголки. Все на своих двоих. Ни бинтов, ни костылей. Все – вылеченные. Готовые к выписке. Днем раньше, днем позже...

У майора, заместителя начальника госпиталя по политической части, белый халат внакидочку, кулаком воздух рубит для убедительности, говорит горячо, страстно, самую малость любуясь самим собой.

Все сидят, слушают. Стоят только двое – замполит у стола, Кацуба в последнем ряду прислонился к дверному косяку.

Рядом с замполитом, тоже в халате внакидку, какой-то полковник с абсолютно невоенным лицом. Все подтягивает и подтягивает сползающий халат. Видно, не привык к такой форме одежды. Не то что замполит госпиталя. Тот в халате – словно черкес в бурке. И говорит замполит выразительно и, как ему кажется, очень доходчиво:

– Прошел самый страшный час войны!.. И народ наш преодолел трагический пик напряжения всех человеческих сил в борьбе с врагом! Не за горами победа, товарищи!.. Чем и объясняется такое замечательное и гуманное решение командования снять рядовой и сержантский состав тысяча девятьсот двадцать шестого и тысяча девятьсот двадцать седьмого годов рождения с передовой ряда фронтов. Сохранить от случайной пули, от слепого осколка... Кто из них не доучился на гражданке до семи классов средней школы – направить для дальнейшего прохождения службы в строевые части тылового расположения. Кто же имеет семь классов и больше – поедут обучаться в военные школы и училища различных родов войск! Понятно, товарищи?

Сидящий в первом ряду молодой, лысый шутовски провёл по своей плечи ладонью и спросил:

– Разрешите, товарищ майор? А к нам это какое отношение имеет? Мы вроде все тут не двадцать шестого, не двадцать седьмого, а постарше... – И снова погладил лысину.

Все рассмеялись.

– Да вы что, Рубцов! – искренне возмутился замполит. – Как же вы не понимаете важности такого политического мероприятия?! Вот товарищ полковник из штаба армии специально приехал...

– Позвольте мне, товарищ майор, – сказал полковник.

Он встал из-за стола, нервно поправил сползающий халат и вдруг увидел стоящего у двери Кацубу.

– Вы почему стоите? Садитесь, пожалуйста.

Кацуба выпрямился по стойке «смирно».

– Садитесь, садитесь... Там есть свободное место, товарищи?

– Он садиться не может, – лениво сказал Рубцов. – У него сложное ранение в «мускулюс глутеус».

Все беспощадно заржали.

– Куда?! – ошарашенно спросил полковник у замполита.

Замполит наклонился и тихо пояснил полковнику, куда ранен Кацуба.

– Простите, пожалуйста, – сказал полковник Кацубе, и тот снова привалился к дверному косяку. – Товарищи! Скоро война кончится...

– Как же... – протянул кто-то.

И тогда невоенный полковник сказал вдруг с яростью:

– Война скоро кончится! Полгода... Восемь месяцев. Максимум – год! Тем, кто родился в двадцать шестом и в двадцать седьмом, сейчас семнадцать-восемнадцать лет. И их нужно беречь! Нельзя, чтобы мальчики погибали в окопах и умирали в госпиталях. Вы, прошедшие страшную школу войны, поедете в военные школы и училища в качестве командиров учебных взводов, старшинами курсантских рот, помощниками командиров батальонов по строевой... Мы снимаем с фронтов не только семнадцатилетних мальчишек, но и вас – опытных и обстрелянных взрослых людей, которые прекрасно знают, почем фунт лиха. И я не обещаю

вам легкой тыловой жизни. Но сегодня воспитать их сможете только вы!.. Их очень нужно сберечь!

Полковник закашлялся и уж совсем не по-военному вынул платок из кармана и обтер лицо.

Кацуба вдруг увидел грязную снеговую лужу, обожженного мальчишку в слезах и услышал предсмертный захлебывающийся тоненький крик: «Старшина-а-а!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.